

Вчера Театру имени Евг. Вахтангова исполнилось шестьдесят лет. Не знаю, варочно ли так подгадали или это выпало случайно, но в театре была двойной юбилей. Знаменитую «Принцессу Турандот» давали двухтысячный раз. Но театр начался не с «Принцессы Турандот». В день его официального рождения шла премьера пьесы Метерлинка «Чудо святого Антония». Сам Вахтангов шел от студенческой студии к своему театру чуть ли не десяток лет. Юбилейные даты начала крупных явлений в известной мере условны. Хороший театр не возникает вдруг, сам по себе. Вот с этого вопроса — что можно считать рождением академического, дважды орденованного Театра имени Вахтангова — и началась наша беседа с его главным режиссером, народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии СССР Евгением Рубеновичем СИМОНОВЫМ.

Евгений СИМОНОВ:

«Наш праздник живет на Арбате»

— К 1921 году, который считается годом нашего рождения, студия Евгения Багратионовича Вахтангова была уже в сущности сложившимся творческим коллективом со своей программой, со своими эстетическими принципами, со своей особой серьезной системой воспитания. Это было молодое, живое содружество единомышленников, хорошо подготовленный ансамбль, способный решать большие сценические задачи.

Двадцатые годы вообще были очень интересными в истории становления советского театра. Возникали мыслимые и немыслимые студии, многие из них воплощали ярким пламенем и также быстро угасали. А вот коллектив Вахтангова остался, несмотря на то, что Евгений Багратионович ушел из жизни трагически рано. И по сей день спектакли театра, носившие его имя, остаются, смело надеяться, истинно вахтанговскими, хотя из тогдашнего репертуара идет одна «Принцесса Турандот».

Говорить о рождении нашего театра — это говорить о Вахтангове. Это был художник огромного личного обаяния, неистощимого творческого заряда. Он считал себя учеником Станиславского и был таким в действительности. Он был не того, что увлечен — одержим идеей своего учителя и считал своим долгом — долгом осуществленья их на практике, выставлять в артистической молодежи. Ради чего? Студия для него была не экспериментальной мастерской, а средством для решения реальной сверхзадачи. Свою же сверхзадачу, вообще цель искусства он видел в служении

народу. Он завещал нам творить для народа вместе с народом.

Выполняли ли мы его заветы? Думаю, есть достаточно оснований полагать, что это так. Театр отмечен высокими наградами — орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Каждый спектакль идет при полном зале. Глубоко убежден, что всеми успехами мы обязаны нашему первому учителю и основателю.

Вахтангов создавал новый революционный театр и мечтал увидеть народ непременно и главным участником спектакля. Вахтангов утверждал праздничность театрального действия, отвечающую духу революции.

Посмотрите «Принцессу Турандот», эту посмертную работу Вахтангова (он так и не увидел своей премьеры). «Принцесса Турандот» — несомненно яркий, красочный, веселый, задорный спектакль. Вахтангов не столько волновала драматургическая канва пьесы Гоцци, сколько стремление передать в ней мажорное, радостное настроение побеждающего народа. О том, как ему это удалось, говорит вчерашний успех двухтысячного спектакля.

Вахтангов работал в годы, когда советской драматургии еще не существовало, театральный материал был классическим, но зритель уже тогда хотел видеть на сцене современность, а в ней — себя, современника. И Вахтангов шел ему навстречу. Вот перед нами классическая комедия масок. Артисты, казалось бы, полностью воплотились в своих героев. И вдруг наступает момент, когда артист неуловимым

движением как бы сдвигает на миг традиционную маску, и мы видим актуального современника, живущего теми же мыслями, чувствами, что и мы с вами, имеющего личное отношение и к своей маске, и к партнерам по роли, и к нам, зрителям, и вообще ко всем событиям, сегодня происходящим на сцене.

Так что, когда в театр пришла первая советская пьеса, он находился в полной готовности?

— Безусловно. Вахтангов мечтал о пьесе, в которой жизнь народа, строителя нового мира. Вахтанговцы ждали ее с нетерпением. Такой первой ласточкой явилась в театр «Виринея» Лидии Сейфуллиной, и Берсиу Васильевичу Щукину выпала честь впервые воплотить на советской сцене художественный образ коммуниста. Щукин, сам фронтовик, познавший тяготы окопной жизни, вывел свою роль с абсолютной достоверностью.

Пройдет двенадцать лет, и Щукин, опять впервые в истории советского театра, воплотит на вахтанговской сцене образ Владимира Ильича Ленина. Поголоский «Человек с ружьем» в постановке Рубена Николаевича Симонова положила начало Лениниане в мировом театральном искусстве.

Потом репертуар обогащали такие замечательные произведения советской драматургии, как «Иркутская история», «Город на заре», «Грибел» «Скандаль». Недавно тепло принял зритель «Тринадцатый председатель», острая, современная пьеса Азата Абдуллина, молодого башкирского драматурга.

Последняя наша работа — «Мистерия-буфф». Пьеса была создана в восемнадцатом году.

Три года спустя Маяковский писал: «В будущем все прахотное, ставящее, читающее, печатающее «Мистерия-буфф», меняет содержание, делает содержание ее современным, сегодняшним, синонимичным». Как видите, пьеса будто специально написана в традициях вахтанговского театра. Мы, правда, не стали вводить в спектакль свои тексты, но, взяв за основу сюжет «Мистерия-буфф», внесли туда стихи Маяковского, отрывки из его поэм. нас волновало, что включение новых кусков может привести к определенной дисгармонии, мы боялись, что нарушится соразмерность частей. К нашей большой радости, выбранные фрагменты удивительно органично вошли в драматургическую ткань пьесы.

— Евгений Рубенович! Ваш театр и вы своим примером придаете буквальный смысл словам о преемственности традиций, эстафете поколений. Ваш отец, Рубен Николаевич Симонов, свято берег и преемствовал наследие Вахтангова. Приняв дело жизни отца, вы тем самым взяли на себя и ответственность за рост и сохранность огромного культурного богатства. Расскажите, пожалуйста, что должен чувствовать человек, несущий такой великий груз?

— Прежде всего — ответственность за настоящее и будущее театра.

— О каких новых пьесах, Евгений Рубенович, вы мечтали бы как режиссер — воспитатель творческой молодежи?

— Если говорить о классике, то мы сейчас репетируем пьесы, о которых восторгались отныне Евгений Багратионович Вахтангов. Я имею в виду стихотворные драмы Александра Блока и Марины Цветаевой.

Если говорить о современности, то мы ищем пьесы, которые звучали бы сегодня так же громко и взволнованно, как в свое время прозвучали «Человек с ружьем», «Фронт», «Город на заре» и другие произведения, ставшие советской классикой. Возможно, такие пьесы уже пишут. Быть может, их действие происходит на БАМе — мы, вахтанговцы, не раз там бывали и видели могучие характеры.

— Места действия сколько угодно — от сибирских просторов до космоса, сильных характеров, ярких личностей хоть отбавляй, а пьес пока нет. Проблема!

— Да, и я уверен, что она будет решена.

И другая проблема. Наш театр, один из немногих в стране, имеет свою школу — училище имени Щукина. Почти весь состав нашей труппы, за самым редким исключением, вышел из стен щукинского училища. Не между школой и театром должна быть студия. Дело не только в том, чтобы получить дополнительную сценическую площадку. Это вопрос творчества, профессиональной подготовки будущих вахтанговцев. Он решен положительно, студия у театра будет.

Я знаю, придет к нам театр и новые пьесы, и новые одаренные поколения. Я верю: на нашем старом Арбате вечно будет жить молодой вахтанговский праздник.

Беседу вел
Э. ЗЕЛЬШЕВ.
Фото Е. Халдеа.